Впервые слепой У Чжу улыбнулся, или, точнее, Фань Сянь впервые увидел улыбку У Чжу. И это случилось, всего лишь стоило поднять тему жизни матери Фань Сяня в те годы.

Хотя лицо У Чжу со скрытыми чёрной повязкой глазами не выглядело старым, но он всегда был предельно холоден и никогда не выдавал и тени эмоций, совсем не так, как сейчас. На его лице в принципе было очень сложно увидеть намёк на страх, печаль или горе, что уж говорить об улыбке.

Стоило У Чжу вспомнить то время, когда они с госпожой прибыли в столицу, как уголки его губ странно и неловко слегка поднялись вверх. Это внезапная нежность на его вечно неподвижном и каменном лице, сродни прекрасному снежному лотосу раз в тысячу лет распускающемуся на ледяной отвесной скале, была несказанно беззащитна, несравненно красива.

**

С трудом очнувшись от воспоминаний о прошлом, У Чжу вернулся к своему обычному поведению и без выражения ответил:

— Немногие знали, что госпожу звали Е Цинмэй. Чаще всего про неё говорили просто «госпожа». Но если подумать, то само имя Е Цинмэй даже сейчас довольно известно в столице, не говоря уже о тех годах.

— Правда? — Фань Сянь широко распахнул глаза.

Он считал, что слова У Чжу противоречат сами себе. Если немногие знали, что имя его матери было Е Цинмэй, то как же тогда это имя было известно в столице? А всё потому, что Фань Сянь не знал о подписанных именем матери позолоченных словах на каменной стеле, стоящей прямо перед входом в Контрольную Палату.

— Расскажи мне об отце, — попросил Фань Сянь, и его глаза сверкнули неизвестно от какой мысли.

— Я только обещал поговорить о госпоже.

— Хмф, а ты хитрец, приятель У Чжу.

— До твоего рождения я тяжело заболел и утратил многие воспоминания.

Фань Сянь рассмеялся:

— А ты ещё бесстыжее, чем я… Хм… неважно. Поговорим о другом… Какой моя мама была внешне?

У Чжу задумался ненадолго, перед тем как ответить:

— Очень красивой.

Голос У Чжу никогда не был слишком выразителен, но всё же Фань Сянь заметил, что он произнёс эти слова с необычайной искренностью. С едва заметной улыбкой он потёр руки, вздохнул и добавил:

— Она с самого начала была чрезвычайно красивой девушкой.

**

Хотя рассказчик из У Чжу был так себе, Фань Сянь уловил и то, что осталось недосказанным за его простыми словами. Насколько, должно быть, интересна история тех лет о девочке, прибывшей в столицу. В его сердце внезапно родился порыв поехать в столицу, он просто обязан был это сделать.

У Чжу поднялся и поманил Фань Сяня рукой следовать за собой. Любопытный Фань Сянь легко подчинился. У Чжу нажал на что-то в стене, послышался мягкий звук, и стена неожиданно разошлась, открывая вход в потайную комнату.

Удивлённый Фань Сянь вошёл туда за У Чжу. Вокруг лежал толстый слой пыли и в дальнем углу виднелся сундук. Он сразу бросался в глаза, так как в комнате больше ничего не было. Это был чёрный, обтянутый кожей сундук, шириной примерно в предплечье от локтя до запястья взрослого человека, при этом длинный и тонкий.

— Никто не знал, что перед тем как приехать в столицу, мы с госпожой на какое-то время останавливались в Даньчжоу. Этот сундук оставила тебе госпожа, я лишь присматривал за ним, пока ты был мал. А теперь пришло время передать его на твоё попечение.

Взволнованный Фань Сянь шагнул к сундуку, посмотрел с какой стороны у него крышка, положил его плашмя на пол нужной стороной и смахнул пыль сверху. Он обнаружил, что крышка сделана из металла, напоминавшего латунь, и плотно заперта. Сбоку виднелась замочная скважина.

Ему было очень любопытно посмотреть, что мать оставила ему, и он долгое время провозился с сундуком, пытаясь его открыть. Но в итоге пришлось признать, что крышка не сдвинулась ни на миллиметр. Этот сундук было просто невозможно взломать.

— Ключа нет, — предупредил У Чжу, увидев, как он нетерпелив.

Фань Сянь расстроился и удручённо спросил:

— Что же ты сразу не сказал? Какой смысл давать мне сундук, который я не могу открыть?

— Перед тем как принести тебя в Даньчжоу, мне пришлось оставить ключи кое-где, чтобы убедить кое-кого, что ты уже мёртв.

Фань Сянь подумал, что это слишком избитый приём, и поднял бровь. Он вытащил тонкий кинжал, который постоянно носил с собой в ножнах на голени, и занёс его высоко над покрытой кожей крышкой, выбирая, куда лучше нанести удар.

— Нет нужды пытаться. Этот сундук куда крепче, чем ты думаешь.

Услышав, что У Чжу против его варварского метода вскрытия, Фань Сянь улыбнулся и убрал кинжал. Он похлопал сундук и вздохнул, качая головой:

— Жалко. Кто знает, может там бумажных денег на несколько миллионов.

Затем он поднял коробку и прикинул, сколько она весит. Обнаружив, что она довольно тяжёлая, он ещё больше заинтересовался, что же там такое внутри.

— Где ключ?

— В столице, — прозвучал ответ, не раскрывающий никаких деталей.

У Чжу повернулся, чтобы выйти из комнаты. Увидев, что У Чжу больше не обращает на него внимания, Фань Сянь не выдержал и решил попробовать ещё разок. Он быстро огляделся, потом поднял правую руку и, сосредоточив в ладони всю свою силу, ударил ей прямо по сундуку.

Бум!

Глухой звук разнёсся по комнате, в воздух поднялись клубы пыли, из-за чего в комнате стало значительно темнее. У Чжу повернулся и холодно «посмотрел» на Фань Сяня, который в шоке глазел на свою ладонь, в то время как на сундуке не осталось совсем никаких следов, разве что немного пыли. Похоже, чтобы открыть этот загадочный сундук, необходимо было отправиться в столицу.

Фань Сянь начал тихо размышлять, прикидывая, когда сможет покинуть Даньчжоу, и понимая, что его отец точно не оставит его у моря навсегда доживать свои дни. Он и не знал, что люди, отправленные за ним графом Сынанем, уже в пути.

**

Весной четвёртого года эпохи Цин Тэн Цзыцзин сидел в единственной таверне Даньчжоу и, вытирая пот со лба, глазел на стену.

Там в красивой рамке висел лист бумаги высочайшего качества, сплошь покрытый мелкими иероглифами. Судя по почерку, документ был написан работающим на правительство каллиграфом Пань Линем, чей стиль обладал элегантностью, одухотворённостью и благородной чистотой.

В столице господин Пань Линь мог бы продать работу такого размера по меньшей мере за три сотни лян серебра. Неудивительно, что в далёком Даньчжоу документ поместили в изысканную рамку, повесили на стену и поклонялись как святыне. Однако его содержание совершенно не подходило для того, чтобы служить святыней. Листок был исписан всякой ерундой.

Всё верно. Это была та самая известная по слухам столичная газета. В Даньчжоу приходило всего две копии. Одна принадлежала местному правительству и хранилась в местном зале суда, а это значило, что владелец таверны, должно быть, за большие деньги тайно купил свою копию у слуг имения Графа Сынаня.

Естественно, у простого люда никогда не было возможности посмотреть на новую столичную забаву, поэтому они считали газету исключительно чудесной. К тому же она была написана рукой Пань Линя, поэтому, купив её, владелец таверны повесил её на стену и относился как к сокровищу.

Только он и понятия не имел, что газета на самом деле была тайком продана молодым господином Фанем, который смог продать более двадцати копий богатым купцам в городе и заработал на этом кругленькую сумму.

И Тэн Цзыцзин как раз собирался встретить этого самого молодого господина Фаня.

http://tl.rulate.ru/book/96718/823552